

УДК 821.161.1

Е. Д. Дžoла

ВЫБОР ДОКУМЕНТА КАК ОСНОВЫ КОНФЛИКТА В ПЬЕСЕ ИОНА ДРУЦЭ «ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ»

В статье перед нами стоит задача выявить, как дневники и письма Толстого, воспоминания родных и близких о последних годах его жизни используются в пьесе, становятся структурой историко-биографической драмы. Друцэ положил в основу драматического произведения взгляды и суждения самого Толстого, изложенные в его дневниках и письмах. Автор также опирался на мемуары тех, кого сам Лев Николаевич считал близкими по духу людьми.

Ключевые слова: документ, историко-биографическая драма, сюжет, композиция, законы драмы, историческая достоверность.

Столетие со дня смерти Льва Николаевича Толстого – эпохальное событие для всего мира. Его жизнь, этапы творчества, «духовное перерождение» и последующий уход из Ясной Поляны не перестают волновать литературоведов, писателей и критиков и в наши дни. Об этом свидетельствуют недавно вышедшие книги И. Гарина «Неизвестный Толстой» (2009), И. Волгина «Уйти ото всех» (2010), П. Басинского «Лев Толстой: Бегство из рая» (2010). В начале 2010 г. вышел в прокат фильм «The Last Station» («Последнее воскресенье»), посвященный уходу и смерти Толстого. Осмыслить проблему ухода пытались деятели литературы.

Со времени ухода Толстого в отечественном литературоведении оценка этого решительного шага сформировалась под влиянием очерка М. Горького «Лев Толстой», Г. В. Плеханова и статьи В. И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции». В горьковском очерке с огромным уважением писалось о Толстом не только как о «богоподобном» человеке («безгранично разнообразен этот сказочный человек»), но и о том, что вызывало неприятие Горького: его туманная проповедь «неделания», «непротivления злу» – проповедь пассивизма... «Меня всегда отталкивало от него это упорное, деспотическое стремление превратить жизнь графа Льва Николаевича Толстого в “житие иже во святых отца нашего блаженного боярина Льва”» [1, с. 363, 365.].

В настоящее время возобладали иная точка зрения, оправдывающая уход Толстого. Пьеса И. Друцэ «Возвращение на круги своя» [2], поставленная в 1978 г. на сцене Малого театра под руководством режиссера Бориса Ровенских, в XX в. была важным этапом преодоления многолетней тенденции. Пьеса имеет под собой документальную основу – опубликованные сведения о последних днях писателя в Ясной Поляне.

Премьера спектакля нашла живой отклик в статьях критиков и литературоведов: А. Образцовой, Е. Поляковой, Н. Толченовой, В. Максимовой. Е. Полякова в статье «Путь Толстого» (1978) отме-

чала особенность постановки – ее «построение на документальном материале» и, как следствие, возникающее у зрителей ощущение «полной правды происходящего»: «Перед нами предстает Толстой в воспоминаниях Горького и Бунина, в многолетних записях Софьи Андреевны, в книгах детей, последователей, биографов» [3]. Литературовед Н. Хаустов (1988) совершенно справедливо указывает на главное использованное драматургом документальное свидетельство – письма и дневники Толстого, полагает, что именно они «способствуют проникновению в психологические глубины, выявлению особых черт характера героя». Исследователь подчеркивает, что использованные документы – письма и дневники Толстого – укрепляют позиции историко-биографической драмы, поскольку фиксируют общезначимое, общественно важное, служат социально-историческому анализу» [4, с. 180]. Однако он, как и другие литературоведы, которые писали о пьесе Друцэ (О. Дашевская, В. Фёдорова, Е. Полякова), только указал на ее документальные источники без анализа отношения к ним автора, их роли в структуре пьесы.

Друцэ, располагая огромной документальной базой, учитывал все известные воспоминания о Толстом. Пьеса более чем наполовину представляет собой монтаж «документов», главными из которых являются дневники и письма самого Толстого. Среди имен, чьи воспоминания составили текст пьесы, помимо уже упомянутой Софьи Андреевны, следует назвать Д. Маковицкого – личного врача Толстого, В. Булгакова – секретаря писателя, А. Толстую – младшую дочь, В. Черткову – друга и последователя толстовского учения.

В данной статье перед нами стоит задача: выявить, как дневники и письма Толстого, воспоминания родных и близких о последних годах его жизни используются в пьесе, становятся конструктивной основой историко-биографической драмы.

Теоретиками-литературоведами отмечается, что драма обязательно подчиняется закону концентрации действия в пространстве и во времени, и жанр

историко-биографической драмы, продуктивный в отечественной литературе XX в. определенных периодов, не является исключением. Строгий хронологический принцип, соответствующий жизненным реалиям, не мог быть положен в основу драматического действия. Об этом писали, обращаясь к историко-биографическим драмам, Е. Холодов [5] и Я. Явчуновский. Последний, изучая документальную драму 60–70-х гг., заметил: «Как ни энергично пойдет драма навстречу истории в ее хроникальном воспроизведении, пьеса продолжает оставаться по-прежнему замкнутой художественной структурой» [6, с. 111], т. е. подчиняться закону концентрации действия в пространстве и во времени.

О принципиально ином отношении драматического писателя, нежели эпического, к своим героям писал в свое время Гегель. Поскольку драматическое действие «приводит к такой развязке, в которой раскрывается настоящая внутренняя суть человеческих целей, характеров и конфликтов», т. е. поскольку авторская оценка героев обнаруживается результатом драматического действия, они характеризуются в драме теми своими отношениями, поступками, которые определяют развязку. Поэтому характеры героев «не раскрываются в полном составе своих национальных эпических свойств» – в этом отношении «драма абстрактнее эпоса» [7, с. 333].

Реальное историческое лицо, таким образом, входя в драму, оказывается охарактеризованным участием в действии пьесы только тем, что определило развязку, т. е. жестко подчиненным авторской мысли. Та сторона его характера, которая проявила себя в действии пьесы, закрепляется за ним как главная. Каждое историческое лицо, вошедшее в пьесу «Возвращение на круги своя», было важно для Друцэ постольку, поскольку оно повлияло на решение Толстого уйти из Ясной Поляны. Выбраны в герои лишь те лица, которые были важны для решения Толстого. Поэтому, в частности, среди персонажей нет любимого Толстым сына Ильи Львовича, занимавшего двойственную позицию, хотя Друцэ пользуется его свидетельствами [8]. Вместо него показан Лев Львович, который в 1910 г. находился за границей и не мог непосредственно повлиять на обстановку в Ясной Поляне, но, согласно его воспоминаниям [9], разделял позицию Софьи Андреевны относительно завещания Толстого. Для драматического конфликта Друцэ нужны были явные противники решения Толстого.

Как бы ни хотел быть исторически точен драматург, он не может пользоваться оценками всех тех, кто стал персонажами его произведения. При демонстрации событий драматург остановил свой выбор на воспоминаниях людей, которые помога-

ли Толстому «уйти», кому он позволил быть с ним до конца.

Необходимость наиболее полно выразить свое отношение к находившемуся в распоряжении драматурга огромному материалу подвигла Друцэ к решению показать Толстого в трех лицах. В пьесе действуют три героя: Лев Николаевич Толстой; Толстой, размышляющий про себя; Толстой, создающий. С первым и вторым Толстыми связана основная сюжетная линия: показаны поступки Льва Николаевича Толстого и его отношения с окружающими, конфликт в Ясной Поляне, сопровождаемый комментариями Толстого, размышляющего про себя. Другая сюжетная линия, создаваемая Толстым создающим, – легенда о волке, который почуял смерть и пошел в свой последний путь. Эта линия важна в смысловом отношении и сама по себе, и для акцентировки композиционных узлов первой линии.

В пьесе подчеркнута роль элементов сюжета: экспозиции – овладевающие Толстым мысли о завещании (труды писателя должны стать общим достоянием и не должны быть ничьим источником дохода, в том числе членов его семьи, уже получивших в наследство все его имущество); завязки – объявление завещания единомышленникам Толстого; кульминации – ухода писателя из родового имения (ухода от жизни, в которой он не хотел и не мог больше участвовать); развязки – последних часов Толстого перед смертью, посвященных, как и его жизнь, духовной борьбе с насилием.

Драматург останавливает свой выбор именно на тех фактах, которые приводят, вследствие ряда причин, к кульминации и развязке. По справедливому суждению В. Е. Головчинер, «как бы ни эпизировалось, ни расширялось событийное поле пьесы, ее действие» должно быть «сжато, спрессовано, сконцентрировано» [10, с. 70]. Друцэ сжимает время действия в пьесе до нескольких месяцев, уложив в драматическое действие события двух последних лет. Размышления Толстого охватывают еще больший период. Поэтому в пьесе затянутая экспозиция.

В самом начале перед нами предстает старый, больной, мучающийся бессонницей Толстой.

Толстой, размышляющий про себя. Пятый час, а мне не спится. Боль в ногах, боль в затылке. Кажется, опять был припадок. Я вчера чувствовал его приближение [2, с. 280].

В дневниковых записях писателя мы находим подтверждение этим словам: «**14 апреля** (1910). Ночью было тяжело физически; **28 апреля** (1910). Здоровье хуже. Ничего не делал утром. И не хочется; **16 июня** (1910). Встал не рано, все та же слабость; **11 июля** (1910). Жив еле-еле. Ужасная ночь; **30 сентября** (1910). Очень дурно, слабо себя чувствую» [11, с. 378, 387, 391, 404].

Состояние Толстого, на котором подробно останавливается Друцэ, определяет предконфликтную ситуацию, пока не выражающуюся решительными действиями. Драматургу нужны бытовые подробности для того, чтобы показать, с одной стороны, насколько Толстой привязан к своей семье и оттягивает необходимый для него шаг, а с другой стороны, делают понятным, как поступки близких влияют на решение Толстого уйти из дома. Болезненное состояние Толстого как бы предопределяет дальнейший ход событий. И сам писатель, и другие прекрасно понимают, что идут последние месяцы его жизни, которые не дают ему возможности откладывать принятие важных решений, если они еще могут быть приняты.

В экспозиции озвучиваются размышления противоборствующих сторон. С одной стороны, Толстого, для которого противоречие между его нравственными убеждениями и укладом жизни яснополянского дома было мучительным.

Толстой, размышляющий про себя. Едва ли есть в мире забытый, страдающий от бессилия бедняк, который бы чувствовал хотя бы сотую долю того, что чувствую я, видя весь ужас и насилие, окружающие нас. И, мучительно чувствуя все это, я тем не менее живу в развращенной среде богатых и не могу, не нахожу в себе силы уйти из нее [2, с. 280].

С другой стороны, мы слышим размышления Софьи Андреевны в ее комнате, не желающую считаться с убеждениями мужа.

Софья Андреевна. Каковы бы ни были твои убеждения, какова бы ни была твоя вера, я не дам пустить по миру детей [2, с. 280].

В том же безмолвном диалоге (он имеет документальное подтверждение) [12] находящихся в разных комнатах, размышляющих про себя, но отчетливо слышащих друг друга героев определены намерения обеих сторон, которые неминуемо должны привести к конфликту. Софья Андреевна обосновывает свое право распоряжаться трудами Толстого.

Софья Андреевна. Я всю жизнь была самым близким и верным другом, я нарожала тебе полон дом детей, я переписывала твои бумаги бесчисленное количество раз [2, с. 281].

Толстой настроен решительно: защищать права на свои мысли и поступки.

Толстой, размышляющий про себя. Я не могу упрекнуть тебя за то, что ты не пошла за мной в моем духовном движении. Духовная жизнь каждого человека есть его тайна, и требовать от других такого же таинства нельзя, иначе это уже перестанет быть таинством. Но менять свой образ жизни, свои решения я не могу, потому что мысли мои и слова мои есть суть свободы моей, и я защищу ее перед любым человеком [2, с. 281].

Приводя размышления Толстого, Друцэ воспользовался письмом 1895 года [13, с. 401], написанным накануне его первой попытки уйти из Ясной Поляны.

В экспозиции определен предмет борьбы – завещание. Находясь в своей комнате, героиня мысленно обращается к мужу.

Софья Андреевна. Левочка, неужели верны слухи, что ты подписал тайное завещание? [2, с. 280].

Друцэ показывает поступки действующих лиц и размышление, приводящее Толстого к окончательному решению завещать все свои труды «для безвозмездного издания и перепечатывания всеми, кто того пожелает» [2, с. 299].

В экспозиции показано, что Толстого окружает атмосфера лжи и лицемерия. Лев Николаевич не хочет звать кого-либо во время своих ночных припадков, так как это приведет к истерике в доме и еще более усугубит его болезненное состояние. Толстой прекрасно понимает и осознает фальшь происходящего: Софья Андреевна боится внезапных перемен в физическом состоянии мужа, которые могут лишить ее права владения его сочинениями. Лев Николаевич также понимает причину истерик Софьи Андреевны и то, что она, так явно выдавая свои чувства, боится совсем утратить свое влияние на него.

Толстой, размышляющий про себя. Хуже всего то, что после ссоры она становится на колени и целует мне руки [2, с. 280].

Эта фраза находит свое подтверждение в дневниковых записях Толстого [11, с. 408].

Борьба за наследство, лицемерно прикрытая заботами о его здоровье, вызывает негодование Толстого: жена мешала ему во время его припадков.

Софья Андреевна. О господи, почему ты меня не разбудил?! Я ведь отлично знаю, как я нужна тебе в такие минуты!! [2, с. 288].

Друцэ сопровождает реплику Софьи Андреевны размышлением Толстого о врожденном стыде, который должен быть у каждого человека, именно поэтому человек «закрывает одеждой все то, что не нужно» [2, с. 288]. Это размышление, как будто не относящееся к действию, является его прямым комментарием. Мысль Толстого о стыде, не высказанная вслух, но угаданная Софьей Андреевной, вызывает вопрос.

Софья Андреевна. У тебя нынче опять созревают недобрые чувства ко мне? [2, с. 288]

Отношение к будущему завещанию определяется в первом же семейном разговоре.

Лев Николаевич. Сонечка, если ты помнишь, я просил тебя найти возможность удешевить мои сочинения [2, с. 288].

Эта просьба Толстого вызывает гнев у Софьи Андреевны: «Ты, кажется, все еще носишься с

идеей пустить нас всех по миру?» Толстой хочет мира: «Сонечка, ну зачем такие крайности?» [2, с. 288]. В разговор вмешивается Лев Львович (он стоял в дверях, прислушиваясь к спору родителей): «Завещание, о котором говорит вся Россия, ты еще не написал и не собираешься писать?» [2, с. 289].

Лев Николаевич. Я не желаю отвечать на этот вопрос [2, с. 289].

Эта фраза служит напоминанием ранее приведенных слов Толстого: «Мысли мои и слова мои есть суть свободы моей» [2, с. 281].

Лев Николаевич пытается отвести все разговоры от темы, связанной с завещанием: раздражается видом граммофона, находит изъяны технических изобретений перед «живыми существами», хотя граммофон напомнил ему о цыганском пении, и захотелось написать об этом высоком искусстве. Но что бы он ни делал, все клонится к неразрешимому конфликту между ним и той частью семьи, которую представляют Софья Андреевна и Лев Львович. Подспудный смысл столкновения Толстого с Софьей Андреевной в том, что она давно является официальной полновластной хозяйкой Ясной Поляны. Однако для нее этого было недостаточно. Толстой в присутствии домашних пишет свои заметки о цыганском пении и думает: «Мое горе состоит в том, что мои писания, рукописи вызывают у людей чувство алчности, чувство соревнования за обладание ими» [2, с. 290]. Эти мысли Толстого дают право автору на ремарку: «Вынесли граммофон... Толстой пишет, а все сидят и молча смотрят, как он водит карандашом по бумаге...» [2, с. 291].

Софья Андреевна и Лев Львович совершенно не разделяют убеждений Толстого и не считают нужным этого скрывать. В порыве отчаяния Лев Николаевич произносит: «Народил много детей, а все они бестолковые и делают одни неприятности» [2, с. 291]. Эта фраза находит свое документальное подтверждение в воспоминаниях В. Булгакова (секретаря Толстого) [14, с. 344].

Однако Толстой еще окончательно не решает лишить семью доходов от продажи своих сочинений. Для того, чтобы утвердиться в своем решении, он обойдет ближайшие к Ясной Поляне деревни, где у каждого порога нищета и горе; поговорит с крестьянкой Курносенковой; повстречается со своим бывшим учеником Федоткой, которому после тяжелой работы на строительстве дороги «кружить восемь верст надо» [2, с. 296], чтобы дойти до своей деревни, потому что черкес-Ахмет, нанятый Софьей Андреевной, через лес не пускает, избивает. Толстой еще верит, что, подняв вопрос о недопустимом поведении черкеса, сможет повлиять на Софью Андреевну, но убеждается в обратном.

Лев Николаевич. Соня, почему в наших лесах бьют людей, которых я учил грамоте в своей шко-

ле, чтобы облегчить им жизнь? И кто этот Ахмет, откуда он взялся в нашем доме? [2, с. 297].

Но никакой взрыв толстовского возмущения не может заставить Софью Андреевну уволить Ахмета.

Софья Андреевна. Наняла, чтобы он не дал срубить наши леса, чтобы нас не подожгли в нашем же доме! [2, с. 297].

Именно после этой сцены желание изменить «сытую» и «праздную» жизнь яснополянского дома толкает Толстого к решению написать завещание, лишаящее семью права получать деньги за все, что он когда-либо написал.

Подписанное Толстым завещание является началом открытого конфликта (завязкой) в пьесе. В действительности было несколько вариантов этого документа (27 марта 1895 г., 1 ноября 1909 г., 22 июля 1910 г.). Безусловно, зрители и читатели в большинстве своем не были подробно знакомы с текстом завещания, вокруг которого разгорелась жестокая борьба. Из трех толстовских завещаний Друцэ выбрано одно, и объявление его в пьесе не согласуется с реальной датой. Однако сама подача драматургом этого факта не позволяла усомниться зрителям (читателям) в его подлинности.

Толстой, размышляющий про себя. ...Находясь в здравом уме и твердой памяти, на случай моей смерти, делаю следующие распоряжения...

(Как только он начинает диктовать, Александра Львовна тут же принимается записывать, Маковицкий и Булгаков стоят в торжественной позе свидетелей.) [2, с. 298].

После подписания завещания Толстой чувствует некоторое умиротворение. Он как бы отчасти снимает с себя груз ответственности той, чуждой ему жизни. Лев Николаевич занимается повседневными делами, живет напряженной духовной жизнью: разбирает с дочерью Сашей письма; работает с Беленьким и Булгаковым, помогающими вести деловую переписку.

Жизнь в Ясной Поляне, однако, становится невозможной. Стремительное развитие драматического действия (от развязки к кульминации) проходит через ряд напряженных сцен. Напряженность придают сцены со все нарастающим повторением одних и тех же действий, суть которых в ограничении духовной свободы Толстого. Именно борьба за духовную свободу является сквозным мотивом пьесы. Софья Андреевна («исторически») несколько раз врывается в кабинет мужа: «Левочка, ты меня звал?» [2, с. 301].

Но она не только стремится сохранить остатки прежней привязанности Толстого, чтобы иметь влияние на него. Софья Андреевна открыто воюет против завещания и приглашает профессора медицины, который должен засвидетельствовать не-

равно-психическое расстройство Толстого. Однако профессор оказывается приличным человеком и не соглашается подписывать диагноз, на котором настаивала Софья Андреевна.

Профессор. Я не считаю для себя возможным ставить сомнительный диагноз человеку, перед которым преклоняется весь мир [2, с. 314].

Затем, зная нелюбовь Льва Николаевича к фотографированию, она приглашает известного петербургского фотографа Шапиро сделать фотографию в кругу семьи в годовщину их свадьбы.

Лев Львович. В печати давно пишут о разногласии в нашей семье, и печатание в газете фотографии, сделанной на только что отпразднованной годовщине свадьбы... [2, с. 320].

Атмосфера лжи и лицемерия в Ясной Поляне потрясает писателя.

Толстой, размышляющий про себя. Осталась одна последняя возможность. Надо бороться против нее добром. Только добром я смогу продлить свое пребывание в этом доме, если такое продление вообще возможно... [2, с. 322].

О реакции Толстого на посещение профессора и фотографа мы читаем в воспоминаниях Александры Львовны [15, с. 249] и Булгакова [14, с. 342].

Обе сцены (с профессором и фотографом) сопровождаются ремарками драматурга: «Толстого уже трясло» [2, с. 320], «Лев Николаевич встает. Его знобит, его трясет» [2, с. 322]. Толстой готов бороться за свою свободу до конца. Мысленный диалог между Софьей Андреевной и Толстым, происходящий в экспозиции в ночь перед решением уйти из Ясной Поляны, озвучен.

Софья Андреевна. Я должна каждый день знать, что ты думаешь обо мне. Я твоя жена перед людьми и перед богом.

Лев Николаевич. Мои слова и мои мысли есть суть свободы моей, и я защищу эту свободу перед кем бы то ни было! [2, с. 322].

Последней каплей становится событие, подробно описанное в воспоминаниях Булгакова [14, с. 383] и Александры Львовны [15, с. 493]: думая,

что Лев Николаевич спит, «Софья Андреевна стоит в кабинете с горящей свечой и роется в его бумагах» [2, с. 323]. В этот момент Толстой понимает, что он, больной и немощный, не волен над своей жизнью. Полностью оказавшись в руках Софьи Андреевны, он может лишиться и своей духовной свободы. Несмотря на грозное предупреждение, уже сделанное Толстым вслух, Софья Андреевна роется в его бумагах. Поэтому Лев Николаевич принимает твердое решение уехать.

Толстой, размышляющий про себя. Теперь я уеду. Уеду немедленно, этой же ночью... [2, с. 323].

Сами сборы и отъезд Толстого, описанные в воспоминаниях Булгакова [13, с. 384], Александры Толстой [15, с. 487] и в дневниках самого Толстого [10, с. 412] в пьесе не показаны. За кульминационной сценой сразу следует развязка: показана маленькая комнатка в доме начальника станции Астапово, где собираются вокруг Толстого духовно близкие ему люди (Маковицкий, Александра Львовна, Татьяна Львовна, Чертков). Смысл развязки в том, что смертельно больной Толстой не прекращает духовной работы. Он редактирует продиктованное накануне в вагоне поезда начало статьи о смертной казни. Уход из Ясной Поляны – не уход от главной проблемы духовной жизни: он чувствовал необходимость обрести не только личную духовную свободу, но и бороться против лишений и страданий других. Сцена находит подтверждение в воспоминаниях младшей дочери Толстого Александры [15, с. 394].

Таким образом, все события пьесы Друцэ опираются на документы: дневники и письма Толстого, воспоминания близких и окружающих. И главные сюжетно-композиционные узлы, и расположенные между ними сцены, и звучащий к ним комментарий показывают верность драматурга историческим реалиям. И позволяют оценить последние события жизни Толстого с точки зрения самого писателя. Так Друцэ соединил в пьесе законы драмы с исторической достоверностью.

Список литературы

1. Горький А. М. Лев Толстой / Мать. Литературные портреты. М.: Правда, 1985. С. 344–383.
2. Друцэ И. Возвращение на круги своя // Друцэ И. Святая святых: Пьесы. М.: Сов. писат., 1984. С. 278–326.
3. Полякова Е. Путь Толстого // Московская правда, 1978, 3 авг.
4. Хаустов Н. Т. Жанровые особенности современной историко-биографической и историко-революционной драмы («На круги своя» И. Друцэ и «У времени в плену» А. Штейна) // Худож. тв-во и лит. процесс: сб. ст. Томск, 1988. Вып. VIII. С. 174–187.
5. Холодов Е. Композиция драмы. М.: Искусство, 1957. 224 с.
6. Явчуновский Я. И. Драма вчера и сегодня: жанровая динамика, конфликты и характеры. М.: Саратовский ун-т, 1980. 255 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Сочинения. Т. 4. М.: Социально-экономическая литература, 1958. 559 с.
8. Толстой И. Л. Мои воспоминания. М.: XXI век – Согласие, 2000. 464 с.
9. Толстой Л. Л. В Ясной Поляне: Правда об отце и его жизни. Прага: Пламя, 1923. 102 с.

10. Головчинер В. Е. Действие и конфликт как категории драмы // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2000. Вып. 6. С. 65–71.
11. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 22. Дневники. 1895–1910. М.: Худож. лит., 1985. 559 с.
12. Толстая С. А. Дневники 1897–1909. М.: Север, 1932. 299 с.
13. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 19–20. Письма. 1882–1910. М.: Худож. лит., 1984. 879 с.
14. Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Правда, 1989. 448 с.
15. Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М.: СПАРК, 2001. 608 с.

Джола Е. Д., ст. преподаватель.

Дальневосточный федеральный университет.

Ул. Алеутская, 65 а, Владивосток, Россия, 690090.

E-mail: dzhola@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25.07.2012.

E. D. Dzhola

DOCUMENT CHOICE AS BASE OF CONFLICT IN IONA DRUTSE'S PLAY "RETURNING TO OWN CIRCLES"

The aim of the article is to find out how diaries and letters by Tolstoy, recollections of family members and friends about the last years of his life are used in the play and become structure of historical and biographical drama. Druta based his dramatic work views and judgments of Tolstoy himself described in his diaries and letters. The author also relied on the memoirs of those whom he believed to be Lev Nikolaevich' like-minded people.

Key words: *document, historical and biographical drama, plot, composition, laws of drama, historical authenticity.*

Far East Federal University.

Ul. Aleutskaya, 65 a, Vladivostok, Russia, 690090.

E-mail: dzhola@mail.ru